

Функции обращения

А.А. БРЫКОВА (на материале детского журнала «Чиж» 1930—1941 гг.)
Санкт-Петербург

В статье описываются различные функции обращения, указывающие на неоднозначность этой речевой единицы, ее связь с разными уровнями языка. На материале детского журнала «Чиж» (1930—1941 гг.) исследуются традиционные и контекстные функции обращения, показывается как реагирует язык на перемены в жизни общества.

Ключевые слова: *детская литература; пунктуация; прагматические функции; онтологическая неоднозначность обращения.*

Обращение – многоаспектная и весьма неоднозначная категория. В школьном курсе русского языка обращение чаще всего рассматривается в связи с вопросами пунктуации и определяется как один из видов осложнения предложения, указывающий на адресата речи. Однако обращение реализует свой потенциал не только на синтаксическом, но и на лексическом, морфологическом и даже морфемном уровнях. Кроме того, оно тесно связано с внеязыковой действительностью, прагматически нагружено. Выбор обращения обычно определяется речевым этикетом, учитывающим набор экстралингвистических факторов: социальный статус говорящего, уровень официальности общения, степень близости говорящих, т.е. на языковом уровне обращение «задает тот или иной жанр общения» [Арутюнова 1999: 116]. Такая онтологическая неоднозначность обращения объясняет и набор функций: от собственно классических – контактоустанавливающей и социально-регулятивной (прагматических), до периферийных – характеризующей и текстовой (собственно языковых).

К основным функциям обращения традиционно принято относить вокативную, т.е. контактоустанавливающую, и социальнорегулятивную функции [Дмитриева 1976; Рыжова 1982]. Интересно проследить функции обращения на материале детского журнала «Чиж», выходившего в Ленинграде в 1930–1941 гг. Этот журнал определил развитие советской детской журналистики. В состав редколлегии жур-

нала «Чиж» входили известные писатели и иллюстраторы: С.Я. Маршак, Д. Хармс, А. Введенский, Е.И. Чарушин, В.В. Бианки, Н. Радлов, В.М. Конашевич и др. Журнал издавался ежемесячно и был рассчитан на читателей 6–8 лет.

Как известно, одна из основных функций детской литературы – воспитательная, во многом определенная представлениями взрослых о ребенке: его роли и обязанностях в обществе. Анализируя обращения, можно реконструировать и образ читателя. Для этого мы исследовали как прямые обращения – к предполагаемым читателям, так и «косвенные», обнаруживаемые в самих текстах журнала.

Считается, что контактоустанавливающая функция является основной функцией обращения, однако эта функция не может реализовывать себя автономно, так как установление контакта само по себе предполагает идентификацию говорящего (если в позиции обращения используются нарицательные имена существительные):

Вдруг слышат ребята – кто-то кричит: «*Ребята*, стойте, стойте!» (Чиж. – 1933. – № 10).

Помимо контактоустанавливающей, к основным функциям обращения относится социально-регулятивная [Рыжова 1982: 14] (классифицирующая) функция, которая наиболее показательно проявляет себя на примере собственно этикетных обращений – *товарищ, гражданин, ребята* и др. При этом время накладывает свой отпечаток и на речевую сферу: речевой этикет формируется под влиянием оппозиции «свой – чужой», где

Брыкова Александра Андреевна, аспирант СПбГУ. E-mail: kakoslik88@yandex.ru

смысловой доминантой становится первый член оппозиции, а второй – либо слабо выражен, либо подвергается семантическим трансформациям. Так, в обращениях ко взрослым указанная оппозиция реализуется лексемами *товарищ* и *гражданин*, а в обращениях к детям – *ребята* и *дети*:

Товарищи, напечатайте это письмо, чтобы все ребята прочитали. (Чиж. – 1932. – № 4–5); – *Товарищ дежурная!* – закричал Петька. – Попридержите, пожалуйста, Барбоса (гуся. – А.Б.). Мы в город едем. (1932. – № 7–8); А Карабас уже схватил Пьеро за ногу. – Не трогайте куклы, *гражданин!* Они не продаются! – сказала бабушка Дуня и отняла у него Пьеро. (1938. – № 8); *Ребята*, редакция журнала «Чиж» просит очаговцев писать о том, как они живут и работают. (1932. – № 4–5); А почему бы вам, *ребята*, не попробовать придумать для «Чижа» рассказы так, как это сделали очаговцы 3-го очага? (Там же).

Словарь Д.Н. Ушакова, вышедший в конце 30-х гг. XX в., дает следующие определения слова *товарищ*:

2. Член своей политической партии... || Член советского общественного коллектива, человек, принадлежащий к советскому обществу, всякий, кто, вместе с другими, участвует в общей советской работе (нов.).
3. <...> || Без упоминания имени или звания – обращение к любому взрослому, постороннему, незнакомому человеку в советской среде (за исключением случаев, когда известна или предполагается его принадлежность к чужой социальной среде; нов. разг.) [Ушаков 1940: IV, 720].

Слово *гражданин* встречается далеко не так часто и используется в качестве формулы обращения к мужчине / женщине (в Словаре Д.Н. Ушакова слово снабжено пометой *нов.* Само по себе оно вполне нейтрально, но, включаясь в оппозицию со словом *товарищ*, потенциально может приобретать негативные коннотации, так как лексема *товарищ* становится своеобразным знаком нового социального строя и окрашена положительно.

Ср. толкование слова *ребята*:

РЕБЯТА, ят, ед. нет (разг.) Молодые люди, парни. <...> || Товарищи по учебе, работе и т.п. (употр. среди молодежи; нов. <...>

Ребята. Мн. ч. от ребенок [Ушаков 1939: III, 1305–1306].

Однако примеры показывают, что в реальности первое и второе значения совмещаются и распространяются на детей, в том числе и младшего возраста. Как и *товарищ*, слово *ребята* встречается очень часто (иногда в ущерб стилистической логике) и может употребляться как самостоятельно, так и с приложением:

Букет ему очень понравился, и Киров сказал *девочкам*: «Спасибо вам, *ребята*, за цветы» (1934. – № 12); *Ребята-дошкольники!* Присылайте в Чиж свои стихи и рассказы. (1933. – № 5); *Ребята очаговцы и школьники!* Как вы помогаете колхозу? (1932. – № 1).

Слово *ребята*, как и *товарищ*, становится ярким языковым показателем социальной перестройки. Ср.:

Прежде, обращаясь к малышам, мы всегда говорили: *дети*. Теперь это слово повсюду вытеснено словом *ребята*. Оно звучит и в школах и в детских садах, что чрезвычайно шокирует старых людей, которые мечтают о том, чтобы дети снова назывались детьми. Прежде *ребятами* назывались только крестьянские дети (наравне с солдатами и парнями) [Чуковский 2010: 22].

Упомянутое К.И. Чуковским слово *дети* формирует оппозицию слову *ребята*. Основой для противопоставления становится семантика включенности / невключенности (в силу возраста)¹ в социальную систему, осведомленности о правилах поведения:

И ответил Петя: «*Дети!* Так и быть уж, объясню». (1932. – № 11–12); – *Дети*, – сказала Мария Александровна, – никогда не надо кричать: «Я, я!» Надо всегда поднимать руку. (1932. – № 11–12).

Детьми называют тех, кому только предстоит стать полноценными членами нового советского общества.

Социально-регулятивную (классифицирующую) функцию ярко иллюстрируют обращения со словами тематической группы «профессия», на языковом уровне они тоже задают границы внешней, социальной сферы общения:

¹ В Словаре Ушакова *дети* определяются как 'малолетние' [Ушаков 1935: 1; 699].

Работай, колхозник, / В саду и на поле! Делай, рабочий, / Станки и машины. (1933. – № 1–2); Прибегает (мама. – А.Б.) и спрашивает: «Милиционеры, нет у вас ли моей Мачеки?». (1930. – № 2); Ударник, смело / Пятилетку выполняй! (1932. – № 1).

При обращении к детям употребляют слова (в форме мн. ч.) *дошкольники, октябрята, пионеры, очаговцы*:

Дошкольники и октябрята, будьте готовы к МЮДу (Международному юношескому дню 6 сент. – А.Б.)! (1931. – № 8); Все это нам в игре не показать, – но как в поле работают – это вы, *пионеры*, покажете *дошкольникам*. (1932. – № 9–10); Вы, *очаговцы*, должны стремиться в *октябрята*. (1932. – № 2).

Слова *дошкольник, очаговец, октябренок, пионер* являлись своего рода заместителями названий взрослых профессий. Происходило формирование двух социальных систем, взрослой и детской, организованных схожим образом. Предполагалось, что ребенок встраивается в свою социальную систему (чья иерархия, к слову, будет более строгой, чем у «взрослой» системы), принимает на себя определенную социальную роль, выполняет своего рода «работу», участвуя в жизни государства. А языковая система фиксировала социальные изменения.

Контактоустанавливающая и социально-регулятивная функции – главные прагматические функции обращения. Однако нередко цель обращения – воздействовать на собеседника. В этих случаях обращения появляются в императивных предложениях, содержащих приказ или просьбу, либо сами обнаруживают императивный потенциал. Однако наличие императивного потенциала у обращений признается не всеми исследователями. Чаще всего говорят, что обращение уточняет направленность приказа, просьбы, однако императивная функция обращений довольно ярко проявляется в косвенном волеизъявлении:

Пристали ребята к вожатой: – *Шура*, еще есть хотим. Чего же нам, бабочек, что ли, грызть? (1933. – № 10).

В приведенном примере обращение *Шура* становится показателем требования ребят как-то изменить сложившуюся

ситуацию (накормить их), что видно из следующей реплики Шуры:

– Ладно, следующая станция с буфетом. Выйду – куплю вам бутербродов.

Таким образом, к числу прагматических функций обращения можно отнести и *м е р а т и в н у ю*, обнаруживающую себя как в косвенных речевых актах, так и в прямых императивах с соответствующими показателями – в основном формами повелительного наклонения.

Наиболее ярко это проявляется в специфической группе обращений, функционирующих в так называемых псевдокоммуникативных контекстах. Контактоустанавливающая и императивная функции обращения предполагают реакцию адресата. В противном случае речь идет о коммуникативной неудаче. Однако в псевдокоммуникативных контекстах в позиции обращения появляются слова тематических групп «предметы», «природные явления», «животные», что не предполагает ответа. При этом именно здесь императивная функция обращений проявляется вполне ярко:

Вы чинитесь, *провода*, / <...> Поливай торцы, *вода*. (1934. – № 9); *Дорогой ручей*, / Напой грачей. (1935. – № 9); Беги к цыплятам, *кураца*, / В жаркое угодят. (1937. – № 1).

Степень императивности напрямую зависит от тематической группы. Самой высокой она будет при обращениях со словами из группы «предметы»:

Ты *руби, топор, руби* <...> / Ты *мети, метла, мети*. (1934. – № 9).

Интересно отметить, что в таких контекстах чаще всего используются глаголы, обозначающие наиболее характерное для того или иного предмета действие.

В случае обращений со словами из группы «природные явления» следует говорить скорее о просьбе, а при обращении к животным – о предостережении или пожелании:

Берегись, заяц, – враг близко! (1937. – № 3); Эй, *мышка*, не зевай: / Поскорее убегай! (1933. – № 1).

Таким образом, на уровне текста обращения актуализируют императивный по-

тенциал речевых актов, задавая «градус%» императивности, становятся ее дополнительными показателями. Степень императивности определяется взаимодействием лексического значения слова в позиции обращения и предикативного центра предложения.

Однако обращения со словами разных тематических групп, теснее других связанные с внеязыковой реальностью, включены не только в текстовый, но и в когнитивный, познавательный уровень, а помощь в познании мира – одна из основных задач детской литературы. Подавляющее большинство псевдокоммуникативных контекстов были взяты нами из стихотворных текстов, в которых основным выразительным приемом становится олицетворение, а лирическим героем – ребенок. Олицетворение – один из способов создания образа мира, где предметы, явления и животные живут собственной жизнью, будучи при этом связанными с человеком, находясь в его поле зрения. В свою очередь, разная степень императивности дает ребенку возможность понять, как сильно он может влиять на окружающие его предметы и явления, что находится в его власти, а что нет.

Показательно, что в обращениях с тематической группой «предметы» часто появляются также и притяжательные местоимения:

Тра-ляй-ляй, *моя скрипочка*, Тра-ляй-ляй, *мой смычок!* (1937. – № 1).

Здесь вновь проявляется оппозиция «свой – чужой», на эпистемологическом уровне ее можно охарактеризовать как оппозицию «хороший – плохой».

Три перечисленные функции – ядерные, они не зависят от тематической группы слов в позиции обращения. Однако в качестве обращения нередко могут использоваться оценочные слова, существительные и прилагательные. В этом случае у обращения появляется еще одна, периферийная функция – х а р а к т е р и з у ю щ а я, которая является пограничной для обращений. Именно в случае использования оценочных лексем обращение начинает пересекаться как с приложениями (особенно при личных местоимениях), так

и с именными предикатами. Оценочность сообщает обращению не только предикативный потенциал, но и «дает возможность применять к ним критерий истинности оценки» [Арутюнова 1999: 118], таким образом косвенно характеризуется не только называемое, но и называющее лицо.

Обращение с оценочными словами, будучи нагруженным дополнительными смыслами, теснее других связано с предикативным центром предложения. Чаще всего предикатом в таких случаях становится императив, а само обращение приобретает оттенок причинности и может быть отождествлено с придаточным предложением причины:

Доктор рассердился. Он сорвал свой ночной колпак, топал ногами и кричал: – Пошли прочь, *нищие бродяги!* Пошли прочь! (1938. – № 4); – Отдай чемодан, *вор!* – кричал я. (1933. – № 11); – Разве можно не соблюдать правила? *Марш в школу, негодный Лошадкин!* (1937. – № 12).

В позиции обращения в нашем материале нередко слова с негативными коннотациями, что во многом объясняется спецификой детской литературы, герои которой чаще всего выступают либо в отрицательной, либо в положительной роли. Первая соответствует воспитательной функции детской литературы, вторая – этически-идеализирующей. Ориентация журнала «Чиж» на читателей 6–8 лет определяет конкретность и рельефность персонажей, сконцентрированность на сюжетной линии, в основу которой обычно кладется или проступок, или подвиг. При этом с языковой точки зрения в оппозиции «хороший – плохой» маркированным будет второй член, что и определяет лексическое разнообразие слов негативной оценки.

Помимо характеризующей, можно выделить еще одну периферийную функцию обращения – э в и д е н ц и а л ь н у ю (функцию засвидетельствованности). Эвиденциальность определяется как «категория, которая указывает на источник сведений о сообщаемом факте» [Эвиденциальность... 2007: 14]. Эта категория давно привлекает ученых, так как она тесно свя-

зана с образом говорящего и самой ситуацией рассказывания, т.е. коммуникативна и антропоцентрична. В русском языке, в отличие от других языков, она грамматически не оформлена, так как степень истинности сообщения передается обычно лексическими средствами, оценочными словами, в первую очередь – вводными.

Сравнение способов оформления этой категории в разных языках показывает, что маркированной становится меньшая степень достоверности информации, т.е. те случаи, когда говорящий не является непосредственным свидетелем, а либо передает информацию с чьих-то слов, либо делает предположение на основании косвенных фактов и умозаключений. В случае обращений ситуация обстоит противоположным образом:

Ну вот мы с ним (отцом. – *А.Б.*) вместе всю гражданскую войну и отвоевали. Вот так-то, *ребятишки*. (1933. – № 11); Вот так-то, *дочка*, я с Лениным и работал сегодня на субботнике. (1939. – № 1).

Как видно из примеров, обращения появляются в высказываниях, подтверждающих истинность сказанного прежде. При этом обычно такие высказывания принадлежат свидетелю событий, следовательно, подтверждение истины не обязательно. Основным показателем истинности становятся устойчивые выражения, обращения – дополнительным. Вовлечение собеседника, обращение к ребенку – это еще и знак завершения рассказа, выхода из ситуации рассказывания.

Еще один способ реализации категории эвиденциальности – модальные вопросы с использованием слов истинности / ложности и слов группы когнитивного восприятия. При этом, если обращение появляется в диктумных вопросах, то именно оно становится своего рода заменой модальной части вопросов:

Ребята, как по-вашему, можно ли у трамвайного вагона отрубить буфера? (1934, № 2); *Боря, как по-твоему*, отец Леонида Петровича жив? (1933. – № 11); *Верно, Витя*. Пороху в бутылке не было, но зато там был воздух. (1934. – № 1); *Что* нам с тобой делать, *Елизавета Петровна*? (1935. – № 5).

Рассмотренные функции обращения реализуются на уровне текстового отрезка, речевого акта и жанра. Однако, исследуя обращение в художественном произведении, необходимо учитывать специфику художественности. Обращение напрямую связано с персонажем, что особенно важно, когда речь идет о произведениях, адресованных детям младшего возраста, которым свойственно отождествлять себя с главными героями. Здесь обращение выступает как один из способов вовлечения предполагаемого читателя-ребенка в сюжет, удержания его внимания. Таким образом, обращение становится дополнительным (периферийным) элементом текстовой (и сюжетной) связности, а также способом своеобразного косвенного воздействия. В этом случае можно говорить о совмещении прагматической и собственно лингвистической (текстовой) функций.

Появление большого количества обращений в текстах детского журнала для читателей младшего возраста объясняется не только стремлением приобщить детей к речевому этикету, но и желанием познакомить их с социальной иерархией, а следовательно, включить читателя в эту иерархию, указать на его социальные функции. Более того, обращение – один из способов коммуникации между автором и читателем-ребенком, как напрямую, так и косвенно. Обращение функционирует как один из элементов текстово-сюжетной связности (реализует текстовую функцию), а также как способ вовлечения читателя в сюжет.

ЛИТЕРАТУРА

- А р у т ю н о в а Н.Д. Номинация – обращение // Язык и мир человека. – М., 1999.
- Д м и т р и е в а Л.К. Обращение и вводный компонент. – Л., 1976.
- Р ы ж о в а Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта. – М., 1982.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2007 [Ушаков 1935–1940].
- Ч у к о в с к и й К.И. Живой как жизнь: о русском языке. – М., 2010.
- Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб., 2007.